

Галицко-Волынская Русь в XII - начале XIII в.

Королев А. С.

Основным источником по истории Галицко-Волынской земли XII — первой половины XIII вв. является южнорусский летописный свод конца XIII в., дошедший до нас в нескольких списках и получивший название "Ипатьевской летописи" по принадлежности старшего списка (конец 10-х — начало 20-х годов XV века) Костромскому Ипатьевскому монастырю. Свод является компиляцией двух памятников: "Киевского свода" 1198 года (от "Повести временных лет", которой открывается текст "Ипатьевской летописи", и до конца XII века) и галицко-волынского исторического повествования ("Галицко-Волынской летописи"), начинающегося с посмертной похвалы галицкому князю Роману Мстиславичу, погибшему в 1205 году, и доходящего до конца XIII века (последние известия помещены под 1292 годом).

В свою очередь "Киевский свод" 1198 года, созданный в Михайловском Выдубицком монастыре, и имевший целью прославить деятельность великого князя киевского Рюрика Ростиславича, достаточно сложен по своему составу. Кроме предшествующей киевской летописи, основного источника, автор "Киевского свода" использовал какую-то семейную хронику князей Ростиславичей (братьев Рюрика), черниговскую летопись князя Игоря Святославича, героя "Слова о полку Игореве", переяславский летописец князя Владимира Глебовича (умер в 1187 году). Имеются в "Киевском своде" и вставки из галицко-волынского летописания.

Последняя часть "Ипатьевской летописи" — "Галицко-Волынская летопись" — представляла собой историческое повествование без обычной для других политических центров Руси летописной сети годов. Вероятно, летоисец-сводчик конца XIII века расставил даты в свободный исторический рассказ, но сделал это неверно, причем ошибки достигают иногда 4 лет. Следует учитывать и то, что хотя галицко-волынское историческое повествование по истории XIII века и представляет собой связный рассказ, оно также основано на нескольких источниках. Исследователи текста "Галицко-Волынской летописи", учитывая ее специфику, предположительно выделяют в ее составе летописи и летописные своды, повести и сказания. На заключительную часть "Галицко-Волынской летописи" оказали влияние пинские летописные записи последних десятилетий XIII века.

При составлении свода конца XIII века автор-летописец привлек еще один летописный источник (предположительно ростово-суздальского происхождения), содержащий в себе известия по истории Северо-Восточной Руси, материалы из которого дополнили главным образом "Киевский свод", хотя ряд известий встречается и в части, повествующей о XIII веке.

Информацию по истории Галицко-Волынской земли можно почерпнуть и из других русских летописей (Лаврентьевской, Воскресенской, Никоновской и др.). Однако их создателей интересовала, прежде всего, история северо-восточных, а не южнорусских земель. Их сведения в основном относятся к XII в. В сравнении с "Ипатьевской летописью", в изучении истории Галицко-Волынской земли они, бесспорно, играют вспомогательную роль. Оригинальные известия содержатся в "Истории Российской" В.Н. Татищева, имевшем, как известно, в своем распоряжении не дошедшие до нас летописи. Яркие, в форме обращения, характеристики князей Галицкой и Волынской земель Ярослава Осмомысла и Романа Мстиславича содержатся в знаменитом "Слове о полку Игореве".

Интересные сведения о Галицко-Волынской земле имеются и в иностранных источниках (особенно в польских и венгерских). В качестве примера можно привести информацию о все том же, поразившем современников, галицком князе Романе Мстиславиче в польских латиноязычных источниках XII — XIII вв.: "Хронике" магистра Винцентия Кадлубка (ок. 1160 г. — 1223 г.) и "Рочнике Краковского капитула". Но особенно богато иностранными источниками время правления в Галицко-Волынской земле знаменитого сына князя Романа Мстиславича — Даниила, что объясняется усиленным сближением Даниила Романовича с Западом. Достаточно полный перечень западных источников по истории русских земель XII — XIII вв. приводится в монографии В.Т. Пашуто "Внешняя политика Древней Руси" (М., 1968).

Период конца XII — первой половины XIII в истории Галицко-Волынской Руси неизменно привлекает внимание историков и вызывает между ними споры. Действительно, по подсчетам А.А. Горского, с 1199 по 1240 гг. Галичем владели: Изяславичи около 12,5 лет, Ольговичи — 10, Ростиславичи — 9. Ни одна ветвь Ярославичей не могла окончательно утвердиться в городе, а все эти многочисленные боярские фамилии — Арбузовичи, Молибеговичи, Домажеричи, Кормиличичи и т.д. — приглашали и изгоняли князей, разбирали себе земли в управление, раздавали своим сторонникам владения и доходные промыслы, унижали князей, могли на пиру выплеснуть князю в лицо вино, явиться на встречу с ним в одной рубахе, разлучали детей с родителями, ссорили родственников, вели сложные международные интриги, наконец, вешали князей и даже пытались вовсе обойтись без них. Бояре имели замки, свой административный аппарат, располагали военными силами, были очень богаты. Поляки называли их на восточный манер сатрапами, венгры — баронами. В.О. Ключевский был, видимо, прав, когда писал, что галицкое боярство стремилось поставить местного князя в такое положение, "чтобы он только княжил, а не правил, отдав действительное управление страной в руки бояр".

Разумеется, Галич, в этом отношении, не представлял из себя чего-то необычного. В большинстве русских княжеств домонгольской Руси городские общины стремились подчинить себе или ограничить княжескую власть. Известны и города-государства, вроде Новгорода Великого. Однако в Галиче раньше, чем в Новгороде, боярство сумело подмять вече, и ни в одном княжестве борьба боярства за власть не принимала характер полнейшей анархии, когда бояре были готовы принести интересы города в жертву собственным интересам. Иначе говоря, проблема взаимоотношений "Власти" и "Земли" была в Галицко-Волынской Руси довольно сложной, и противоречия существовали не только между "Властью" и "Землей", но и внутри самой "Земли", причем эти противоречия носили зачастую уже социальный характер.

Предположений о причинах усиления галицкого боярства и о появлении подобного группового эгоизма высказывалось множество. Н.И. Костомаров, И.Д. Беляев, В.О. Ключевский и другие видели причины полувекковой нестабильности в Галиче в борьбе многочисленных боярских партий за власть. При этом В.О. Ключевский был убежден, что полного единства интересов между боярами и простыми галичанами не было, бояре были сильны не землевладением, а теми должностями, которые они имели, и которые позволяли им получать города и волости для "корма". "Значит, — писал В.О. Ключевский, — они боролись с князем, будучи представителями интересов народа, и хотели править народом, не держа в руках нитей народного труда". Н.П. Дашкевич был также убежден, что галицкие бояре были страшно далеки от народа,

однако эта удаленность, по его мнению, заставляла их действовать весьма сплоченно. Даже деление бояр на постоянные партии исследователь отрицал, видя причину нестабильности в Галиче в коллективном и бессознательном эгоизме сплоченного и борющегося за полное господство над Галичем боярского "общественного класса". В советское время подобная оценка галицкого боярства стала весьма распространенной. Правда, были здесь и определенные отличия. Дореволюционные историки видели силу бояр не в землевладении, а в занимаемых должностях. Бояр они считали потомками осевших на Волыни княжеских дружинников, укрепивших свой статус и сумевших передать его своим потомкам в период относительной стабильности на Волыни — во время правления Владимирка Володарьевича и Ярослава Осмомысла. Советские историки видели в боярах, прежде всего, крупных землевладельцев, сильных своей властью над зависимыми от них крестьянами. К.А. Софроненко, написавшая книгу, посвященную общественно-политическому строю Галицко-Волынского княжества, видела силу галицких бояр в том, что они происходили из родоплеменной знати и "стали крупными землевладельцами помимо пожалований князя", и хотя среди них были и осевшие на землю дружинники, особенность Галича была в том, что там "развитие крупного боярского землевладения опережало процесс образования княжеского домена". Правда, далеко не всем боярство Галича представлялось таким застывшим в родовых предрассудках. По мнению В.Т. Пашуто, также видевшего в боярах Галича крупных землевладельцев, галицкое боярство все же прошло определенное становление: до XII века предки галицких бояр были дружинниками князя ("княжими мужами"), в XII веке они уже — "мужи галицкие", а с XIII века — "бояре галицкие". Различия во взглядах К.А. Софроненко и В.Т. Пашуто объясняются тем, что в советской историографии не был решен вопрос о том, из чего вырастает на Руси феодализм — из боярского или из княжеского землевладения. Особое мнение о галицких боярах имеется у И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко. Согласно их концепции, галицкие бояре не являлись крупными землевладельцами, а были держателями доходов от кормлений. Не следует говорить об их всесии, и о полном подчинении ими простого народа. Бояре выражали интересы городской общины Галича, в которой шла борьба партий, а бояре в этой борьбе выражали интересы той или другой части горожан.

Ни одно из вышеперечисленных построений ученых не является неверным, но каждое из них абсолютизирует какую-то одну из сторон галицкой жизни XII–XIII веков. Разумеется, истоки боярского самовластия не следует искать в том, что боярское феодальное землевладение в Галиче зародилось раньше княжеского. Чем тогда Галич отличается от соседнего Владимира Волынского, даже еще более древнего? Да и нельзя считать всех галицких бояр потомками родоплеменной знати или старших дружинников. Известно, что крупный боярин XIII века Доброслав был сыном "судьи" и "внук попов", в одно время с ним упоминаются некие Лазарь Домажирец и Ивор Молибожич — "два беззаконника от племени смердьа", как о них пишет летопись. Сам количественный состав бояр свидетельствует об их неоднородном составе. Бояр было очень много. Например, князья Игоревичи перебили разом до 500 человек бояр. И это при условии, что лет за десять до них не менее масштабные репрессии против них провел Роман Мстиславич. Не следует, конечно, отрицать роль земельных владений в обеспечении положения галицкого боярства, особенно для конца XII — начала XIII века, но и преуменьшать интерес бояр к доходам от занимаемых должностей в системе самоуправления также не стоит.

О том, что самоуправство бояр вовсе не связано с тем, какое землевладение княжеское или боярское, зародилось раньше, видно хотя бы из того, что отношение галицких бояр к князьям не оставалось неизменным. Так, после смерти Владимирка Володарьевича, авторитет княжеской власти в Галиче был настолько высок, что когда в 1153 году киевский князь Изяслав Мстиславич попытался отобрать у Ярослава Владимировича часть владений, бояре, выступив против киевских полков, сказали своему новому князю: "Ты, князь, молод, отъезжай прочь и смотри на нас; отец твой нас кормил и любил так мы хотим за честь твоего отца и за твою сложить свои головы — ты у нас один; если с тобой что случится то, что нам тогда делать? Так ступай-ка, князь, к городу, а мы станем биться с Изяславом, кто из нас останется жив, тот прибежит к тебе и затворится с тобой в городе". Личная жизнь Ярослава Осмомысла и Владимира Ярославича подорвали к ним уважение народа, что и привело к вмешательству бояр и в их личную жизнь, и в порядок престолонаследия. А после смерти сына Осмомысла, когда началась борьба за Галич и у бояр появился богатый выбор претендентов, авторитет княжеской власти пал так низко, что князей даже начали вешать.

Бояре, несомненно, делились на партии, существование которых чувствуется при каждой смене князей на галицком столе, и опирались в своих интригах на городскую общину. Вече в Галиче собиралось и в начале XIII века, в частности, в 1231 году. Однако, также, несомненно и то, что бояре ловко манипулировали общественным мнением, а в начале XIII века, когда они могли привлекать к решению стоявших перед ними задач иностранных правителей, галицкое боярство перестало с этим мнением считаться и между ними и простыми галичанами выросла стена непонимания, которая и позволила Даниилу Романовичу, в конце концов, утвердиться на галицком столе именно при поддержке простых галичан. В летописи содержится яркий рассказ о том, как в 1239 году Даниил подошел к стенам Галича и обратился к его жителям: "Люди городские, до каких пор хотите терпеть державу иноплемennых князей?" Те закричали в ответ: "Вот наш держатель богом данный!" — и пустились к Даниилу, по выражению летописца, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. При этом мнение бояр явно отличалось от настроений простых горожан. Таким образом, следует признать, что в отношениях "Земли" и "Власти", сама "Земля" в Галицко-Волыньском княжестве уже не выступала как однородная сила. В то же время, именно мнение простых горожан и галицкого вече оказывалось решающим в самых кардинальных случаях. И это мнение всегда было направлено к одной цели — обеспечение стабильности и спокойной жизни.

Ко времени вступления на киевский стол Владимира Всеволодовича Мономаха (1113 г.), Волынь оставалась разделенной на несколько княжеств. Во Владимире Волыньском сидел Ярослав, сын покойного киевского князя Святополка Изяславича, в Перемышле и Теревовле правили Володарь и Василько Ростиславичи, внуки старшего сына Ярослава Мудрого Владимира. На всех этих князей киевский князь имел влияние: Ярослав Святополкович был женат на внучке Владимира Всеволодовича, дочери его сына Мстислава, правившего в Новгороде, а сын Мономаха Роман женился на дочери князя перемышльского Володаря Ростиславича, князя державшего в постоянном напряжении и Волынь, и Польшу. То, что Волынь была ему подконтрольна, Владимир Мономах продемонстрировал в 1117 году, когда Ярослав Святополкович попытался развестись с его внучкой. Ответом был поход Мономаха и Ростиславичей на Владимир Волыньский. Ярослав бежал в Венгрию, а оттуда — в Польшу. Мономах посадил во Владимире сына Романа, а после его скоростижной смерти в 1119 году, другого сына — Андрея. Что же касается Ярослава Святополковича, то он еще несколько лет пытался при помощи поляков, венгров и чехов отвоевать Волынь, но в 1123 году во время осады Владимира был убит своими же польскими наемниками.

В период с 1119 по 1170 гг. Владимир Волынский занимали князья, каждый из которых рассматривал этот город в качестве удобной стартовой площадки для перехода на более престижный, как им казалось, стол. Андрей Владимирович в 1136 году перебрался в Переяславль, поближе к Киеву. На Волыни оказался один из младших Мономашичей, внук Владимира Всеволодовича — Изяслав Мстиславич. Последний, как и его предшественник, не держался за владимирский стол. Он вошел в сложные интриги, целью которых был тот же вожденный киевский стол. В 1146 году Изяславу Мстиславичу удалось осуществить свое желание — по соглашению с киевлянами он занял великое княжение. На Волыни же утвердился младший брат Изяслава Святополк. После занятия Изяславом Мстиславичем Киева, начались княжеские усобицы, продолжавшиеся до его смерти в 1154 года. Все эти годы Волынь была для Изяслава базой, откуда он получал помощь, и куда возвращался после очередной неудачи. Святополк Мстиславич каждый раз безропотно уступал брату его место. По существу, Изяслав, находясь и в Переяславле, и в Киеве, оставался волынским князем.

Но в ходе этой междукняжеской войны Волынь разделилась. Владимир Волынский поддерживал Изяслава Мстиславича, владения потомков Ростислава Владимировича стояли за его врагов. Но вообще, гораздо больше братьев Ростиславичей занимали их отношения с Польшей, Чехией и Венгрией. В 1124 году Володарь и Василько умерли, после Володаря осталось два сына — Ростислав, получивший Перемышль, и Владимирко, ставший князем в незначительном волынском городке Звенигороде; Григорий и Иван, сыновья Василька, поделили между собой Тереволь. В 1127 году Владимирко, призвав на помощь венгров, попытался выгнать старшего брата Ростислава из Перемышля, но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великий князь киевский Мстислав Владимирович. Энергичный звенигородский князь вынужден был отступить. К 1141 году умерли и Ростислав, и последний из Васильковичей, не имевший наследников. Владимирко взял себе обе волости (Перемышльскую и Теревольскую), не поделившись с племянником Иваном Ростиславичем, которому дал на прокорм, но не в самостоятельное княжение, свой бывший город Звенигород. Иван пытался отвоевать у дяди земли своего отца, поднимал против Владимирка постоянные мятежи, пока не лишился всех своих владений. В итоге, Иван Ростиславич стал первым в истории России служилым князем, обретавшимся при дворах русских владетельных князей, а в трудные времена занимался и разбоем. В историю Иван вошел под прозвищем Берладник. Молдавский город Берлад был предшественником позднейшей казачьей вольницы, местом, куда стекались удалыцы из разных мест Европы. Здесь неудачники, подобные Ивану Ростиславичу, находили убежище и дружину.

Столицей своего, теперь уже значительного, княжества Владимирко сделал город Галич, впервые упомянутый в летописях под 1141 годом. Объединенное Галицкое княжество стало серьезной политической силой, весьма влиятельной на Руси, с довольно сложными международными отношениями. Галицкий князь постоянно воевал, мирил и ссорил князей, каждый раз что-то выигрывая, увеличивая свои владения. В случае неудачи он не брезговал и грабежом, и вымогательством. В междукняжеских усобицах Владимирко был самым деятельным союзником Юрия Владимировича Долгорукого. Союз этот был скреплен браком — сын Владимирка Ярослав женился на дочери суздальского князя. Близость к западным границам позволяла галицкому князю получать помощь из Венгрии, что особенно было важно для Юрия Долгорукого. Сам Владимирко был женат на венгерской княжне.

После смерти Владимирка в 1152 году, новым галицким князем стал сын Владимирка Ярослав. Признав над собой власть киевского князя, новый правитель Галича продолжал политику Владимирка, доставляя киевскому князю Изяславу Мстиславичу массу неприятностей и стремясь удержать за собой приобретения отца.

Ярослав Владимирович стал единовластным князем богатой и цветущей земли. Его величие потрясало современников и нашло свое отражение в "Слове о полку Игореве", в котором он назван "Осмомыслом". Автор "Слова" считал Ярослава Осмомысла одним из могущественнейших князей на Руси, "подпирающим" своими железными полками Венгерские горы, "затворяющим" ворота Дунаю и "отворяющим" ворота Киеву.

Княжение Ярослава Владимировича было беспокойным, полным бесконечных "кромол". Во многом это было связано с тем, что ему не удалось наладить контакты с "Землей". А жители княжества, сначала возлюбившие князя, как сына Владимирко, в скором времени воспылали к нему ненавистью из-за его неразборчивой личной жизни. Не мог Ярослав положиться и на бояр, которые неоднократно подводили его, нередко не являлись со своими силами к князю по его требованию, уходили из похода. В борьбу с Ярославом включился и Иван Берладник, изгнанный к тому времени из всех княжеств. Во главе половцев и 6000 "берладников" Иван вошел в Галицкую землю, где простые люди были готовы поддержать его. Понимая это, Иван не разрешал своему войску заниматься грабежами, из-за чего и рассорился со своим воинством — и половцы и "берладники" покинули своего предводителя. В 1161 году Берладник был отравлен на чужбине, в Фессалониках.

Но спокойная жизнь Ярослава была непродолжительна. Ярослав плохо жил со своей женой Ольгой, дочерью Юрия Долгорукого, держал любовницу, какую-то Настасью. В 1173 году, устав от унижений, Ольга ушла из Галича в Польшу с сыном Владимиром и многими боярами. Владимир Ярославич, человек уже взрослый, злился на отца за то, что тот приблизил к себе сына от Настасьи — Олега. Как видно с Ольгой и Владимиром ушли не все их сторонники. Через восемь месяцев в Галиче началось восстание. По решению веча Настасью сожгли на костре, сына ее послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что он будет жить с княгиней как полагается. Все последующее княжение Ярослава прошло в столкновениях с боярами и в сорах с сыном Владимиром, постоянно поднимавшим против отца мятежи. И хотя, в отношениях с другими русскими землями и с западными соседями слово галицкого князя по-прежнему было весомым, внутри княжества его положение оставалось шатким вплоть до смерти в 1187 году.

Умирая, Ярослав собирался оставить Галич Олегу, сыну от Настасьи, а старшему, Владимиру дать Перемышль, в чем взял с Владимира клятву. Но после смерти Ярослава в Галицкой земле поднялся мятеж, Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича, а Владимир сел на галицком столе. И вновь отношения "Власти" и "Земли" не сложились. Жители княжества скоро поняли, что ошиблись в выборе: Владимир в нравственном отношении был еще хуже отца. В летописи Владимиру предьявляются серьезные претензии именно как к недостойному правителю. По словам летописца, резко осуждавшего Владимира, князь любил только пьянствовать, а делами управления не занимался вовсе, не советовался с боярами, прогнал свою жену, родом из черниговских князей, отнял жену у священника и прижил с ней двоих сыновей. Мало того, если нравилась ему чья-нибудь жена или дочь, он брал ее силой. В очередной раз разлад между "Властью" и "Землей" привел к смуте: галичане, знатные и незнатные, затаили на Владимира злость, чем поспешили воспользоваться соседи, прежде всего владимиро-волынский князь.

Во Владимире Волынском все эти годы жизнь также не стояла на месте. После смерти в Киеве в 1154 году Изяслава Мстиславича Владимиром овладел его брат Владимир. Сыновья Изяслава — Ярослав и Мстислав получили, соответственно, Луцк и Пересопницу. В 1156 году Мстислав Изяславич, который был старше Владимира Мстиславича

годами, выгнал дядю из Владимира Волынского и сел на этом столе. Впрочем, как и его отец, он рассматривал Волынь лишь в качестве ступени на пути к Киеву. В 1167 году Мстислав Изяславич выгнал из Киева Изяслава Давыдовича и стал великим князем киевским. Но удержаться в Киеве ему не удалось — в 1169 году он был изгнан во Владимир Волынский коалицией из 11 князей. Мстислав попытался вернуть Киев, но неудачно, а в августе 1170 года он скончался.

Брат Мстислава Ярослав Изяславич Луцкий отказался занимать Владимир Волынский, предпочитая ему свой более скромный, но и более спокойный, удел, который и перешел к его потомкам. Так из Волынского княжества выделилось Луцкое княжество. Во Владимире Волынском сел сын Мстислава Изяславича Святослав, а после его смерти в 1173 году — следующий Мстиславич — Роман.

Летописцы характеризуют Романа Мстиславича как деятельного и предприимчивого князя. Роман Мстиславич считался другом вступившего в 1187 году на галицкий стол Владимира Ярославича. Вскоре, однако, выяснилось, что Роман проводил гораздо более тонкую политику. Вступив в союз с галицкими боярами, он стал побуждать их выгнать Владимира, а на его место предлагал себя. В 1188 году галицкие бояре собрали полки и, угрожая мятежом, заставили Владимира покинуть Галич. Владимир забрал много золота и серебра, свою попадью, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию.

Роман Мстиславич занял Галич, а во Владимире Волынском стал княжить его младший брат Всеволод, который до того владел Бельзом. Однако Владимир Ярославич, поддержанный венгерским королем Бела и венгерскими полками, начал войну и осадил Галич. Роман, не имевший достаточных сил и видевший неустойчивость горожан, захватив остаток княжеской казны, бежал назад на Волынь. Но и Владимир не получил Галича, потому что Бела, разобравшись на месте в ситуации, посадил в Галиче на княжение своего сына Андрея, а Владимира вернул в Венгрию, отнял у него все богатство и посадил под арест.

Попавшие под власть венгров жители Галича, скоро почувствовали все прелести иноземного правления. Многие захотели вернуть Романа, но он не имел достаточных сил для борьбы с венграми. Самые отчаянные предлагали пригласить в князья сына Ивана Берладника Ростислава, подобно отцу ставшего служилым князем. Отчаянная попытка Ростислава Ивановича овладеть Галичем не удалась и, прежде всего, потому, что далеко не все хотели видеть его своим князем. В неравной битве возле города, обманутый обещаниями непостоянных галицких бояр, князь потерпел поражение, был захвачен венграми в плен и отравлен ими. Притеснения венгров стали невыносимыми: они отнимали у мужей жен и дочерей, брали их себе в наложницы, начали ставить лошадей в церквях и избах. После этого даже те, кто поначалу относились к венграм с симпатией, возненавидели иноземцев. Многие начали раскаиваться, что прогнали Владимира Ярославича.

Между тем в 1190 году Владимиру удалось убежать из венгерской неволи к германскому императору Фридриху Барбароссе. Владимир обещал императору давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, и Фридрих отправил его к польскому князю Казимиру с приказом, чтоб тот помог ему вернуть галицкий стол. Когда в Галиче узнали о приближении Владимира Ярославича с польским войском, то все в княжестве перешли на его сторону, а венгерского королевича прогнали. В итоге, Владимир утвердился в Галиче, и, желая обеспечить себе в дальнейшем спокойное правление, добровольно признал себя его вассалом Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Всеволод отправил послов к русским князьям и в Польшу, и взял со всех присягу не искать Галича под его племянником. Владимир княжил в Галиче до своей смерти в 1198 году.

После его смерти галицкий стол остался без наследников: сыновья Владимира умерли еще до него. В Галиче образовались две партии: одна выступала за приглашение венгерского королевича, другая — за волынского князя Романа Мстиславича. К тому времени Роман Мстиславич был занят междоусобными войнами в Польше и с киевским князем Рюриком Ростиславичем. Немалую роль в их ссоре Романа и Рюрика сыграл князь владимиристо-суздальский Всеволод Большое Гнездо, которому внушал опасения союз этих двух сильнейших князей Южной Руси. Но война с Рюриком закончилась неудачей, после чего князья помирились. Поэтому, получив помощь из Польши, Роман Мстиславич вновь овладел Галичем. Видя, что не все галицкие бояре ему рады, новый князь устроил в городе резню. Неудобных Роману людей зарывали живьем в землю, четвертовали, сдирали с живых кожу, расстреливали, наконец, просто грабили. Многие бояре убежали в другие русские земли. Роман возвратил их обещанием всяких милостей, но скоро под разными предлогами подверг той же участи. Оставшиеся в живых бояре временно притихли.

Объединив в своих руках огромные владения, Роман начал новую войну с Рюриком Ростиславичем. В 1202 году во главе галицко-волынского войска он захватил Киев, выгнал из него Рюрика Ростиславича, а на его место посадил своего двоюродного брата князя луцкого Ингоря Ярославича. Спустя некоторое время Рюрик сумел помириться с Романом и вновь стал киевским князем. Однако примирение было временным. В 1203 году они вместе ходили на половцев, поссорились из-за добычи, Роман захватил в плен Рюрика, его жену, и дочь, свою бывшую жену, и всех троих постриг в монахи. В руках у него оказались и Киев, и Галич, и Владимир-Волынский. Роман стал самым могущественным князем Киевской Руси. Летописцы даже называют его "самодержцем".

Именно в 1203 году Роман Мстиславич попытался собрать в Киеве съезд князей, обратившись к ним со словами, сохраненными в "Истории Российской" В.Н. Татищева (см. §2 в данной главе). Впрочем, сам Роман не претендовал на великое княжение, признавая "старейшинство" за Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо. Именно отказ Всеволода Юрьевича приехать в Киев сыграл решающую роль в неудаче все инициативы Романа по созыву съезда — другие князья тоже не приехали. Самого же Романа разоренный Киев, утерявший к тому времени свой авторитет главного общерусского центра уже не привлекал. Он покинул город, оставив в Киеве на княжении все того же Ингоря Ярославича.

Тем не менее, Роман оставался самым сильным князем в Южной Руси. Он много воевал — с половцами, литовцами, ятвягами. Пользовался огромным авторитетом в Польше и Венгрии. Имя Романа стало известно в Европе. Византийский император Алексей Комнин просил у него помощи в войне против половцев, которые, опустошая Фракию, добрались до Константинополя. Роман в помощи не отказал. Папа Иннокентий III предлагал Роману принять католическую веру, обещая ему награды и королевский титул. Но Роман Мстиславич отверг предложение папы.

В памяти народа Роман остался идеальным князем. Летописцы одаривают его самыми лестными эпитетами, с восторгом сравнивают со львом, рысью, крокодилом, орлом и туром. Особо выделяет его и "Слово о полку Игореве". Подобные характеристики, видимо, не случайны. В отличие от своих предшественников на галицком столе, Роману Мстиславичу удалось в своем княжестве наладить отношения с "Землей". С опорой на галицкое вече, Роман стремился решать и

внутренние конфликты. Именно поддержка вече помогла ему сломить боярскую оппозицию и прекратить, пусть и на время, княжеские усобицы.

Но в 1205 году Роман погиб в войне с польским князем Лешко Краковским В.Т. Пашуто видит причину столкновения Романа с Лешко не в земельных претензиях галицко-волынского князя на город Люблин, а в том, что он вмешался в шедшую тогда в Европе войну вельфов с Гогенштауфенами и, поддерживая последних, начал войну с краковским князем, который был союзником вельфов. Целью же похода Романа в 1205 года, в случае успеха в Польше, была Саксония.

От второго брака у Романа осталось двое сыновей: Даниил четырех лет и двухлетний Василько. Ожившая боярская оппозиция не захотела оставлять на галицком столе детей. К тому же, Юрий Ростиславич, как только узнал о смерти Романа, тотчас скинул монашескую рясу и объявил себя князем киевским. В 1206 году объединенное киевское и черниговское войско в союзе с краковским князем Лешко подошло к Галичу. В городе начался мятеж, и семья Романа вынуждена была бежать во Владимир Волынский. На галицком столе при поддержке бояр оказался Владимир Игоревич из рода черниговских князей, сын героя "Слова о полку Игореве". Впрочем, новый князь не был совсем чужим жителям Галича — его матерью была дочь Ярослава Осмомысла Ефросинья (знаменитая Ярославна из "Слова о полку Игореве"). Брат Владимира Роман Игоревич утвердился в Звенигороде, а другой брат, Святослав, занял Владимир Волынский. Семья же покойного Романа Мстиславича бежала в Польшу.

Период истории Галицко-Волынской земли от смерти Романа и изгнания Романовичей до нашествия монголо-татар наполнен постоянными войнами князей и боярскими "крамолами". Уже в 1207 году Игоревичи поссорились между собой и начали усобицу, в которую втянули венгров. При помощи последних Роман Игоревич выгнал из Галича брата Владимира (1208 г.). Между тем польские войска выгнали из Владимира Волынского Святослава Игоревича, а на его месте князь Лешко посадил своего дядю по матери, племянника Романа Мстиславича, князя бельзского Александра Всеволодовича. При этом поляки разграбили город, а Святослава Игоревича взяли в плен и отвели в Польшу.

В одном из случаев междоусобной войны мы вновь видим инициативу "Земли", которая стремилась уберечь себя в княжеских бранях, и искала мирного решения спорных вопросов. Жители Берестья, небольшого города на Волыни, упрости Лешко дать им в правители Даниила и Василька Романовичей. Польский князь, желая, чтобы Романовичи не нарушали установленный им на Волыни порядок, не только согласился, но и убедил Александра Всеволодовича, дать двоюродным братьям еще и Бельз. В обмен польский князь передал ему несколько польских городов.

В 1210 году усобицы в Галиче продолжились, и снова в них немалое значение принадлежало "Земле". Киевский князь Юрий Ростиславич, по соглашению с венграми и галицкими боярами, согнал с галицкого стола Романа Игоревича и посадил на его место сына своего Ростислава, но скоро галичане выгнали Ростислава и опять приняли Романа. В ответ венгерский король Андрей, поддержанный провенгерской партией в самом Галиче, практически без сопротивления занял город, оставив в нем своего наместника. Роман Игоревич попал в плен. Однако, как и во время первого захвата Галича, венгры начали издеваться и над боярами, и над простыми жителями. Горожане обратились за помощью к Мстиславу Немому, князя пересопницкому, но тот привел с собой недостаточно сильную дружину, чтобы изгнать иноземцев. Тогда галицкие бояре обратились опять к Игоревичам. Владимир и Роман, которому удалось бежать из венгерского плена, явились на зов с сильной ратью, выгнали венгров и сели: Владимир — в самом Галиче, Роман — в Звенигороде, а Святослав, выкупившийся из польского плена, — в Перемышле, сыну своему Изяславу Владимир дал Тереволь. Однако брожение среди галицких бояр не прекратилось, и тогда Игоревичи решили действовать по примеру Романа Мстиславича. Они велели своим дружинникам убивать и грабить галицких бояр: 500 человек из них погибло, а другие разбежались. Трое из них — Владислав, Судислав и Филипп — отправились в Венгрию. Беглецы уговорили Андрея дать им войско, обещая посадить в Галиче изгнанного ими когда-то Даниила Романовича. К войску этому присоединились полки из Бельза от Василька Романовича, помощь послал и Лешко Краковский, пришли волынского князя — Мстислав Немой из Пересопницы, Александр Всеволодович с братом Всеволодом из Владимира Волынского, а луцкий князь Ингварь Ярославич прислал свои полки. С такими силами в 1211 году Даниил Романович занял Галицкую землю. Владимир Игоревич с сыном Изяславом чудом спаслись, а остальных попавших в плен Игоревичей галицкие бояре повесили. Последнее было делом небывалым, ни разу еще на Руси жители княжества не приговаривали к смерти своих князей.

Посадив на княжение малолетнего Даниила, галицкие бояре взяли власть в свои руки, и даже выгнали из Галича мать князя, чтобы она не мешала им править от имени ее сына. Летопись сообщает, что маленький князь плакал и не хотел ее отпускать, но сделать ничего не мог. Изгнанная княгиня отправилась к венгерскому королю Андрею, силами которого бояре, кстати, и посадили на княжение Даниила, и нажаловалась ему на их самоуправство. Король с войсками явился в Галиче и, арестовав некоторых наиболее активных бояр, в том числе и Владислава, добился воссоединения Даниила с матерью. В 1212 году, после ухода короля обратно в Венгрию, обозленные на Даниила бояре подняли мятеж и посадили на галицком столе приглашенного ими князя пересопницкого Мстислава Ярославича Немого. Одновременно брат Даниила Василько потерял Бельз, который Лешко Польский отдал опять Александру Всеволодовичу Волынскому. Польскому князю не нравились дружественные отношения Романовичей с венгерским королем.

Между тем, боярин Владислав сумел найти общий язык с венграми и даже убедил короля Андрея дать ему войска, чтобы навести порядок в Галиче. Но боярин обманул короля. Изгнав в 1213 году из Галича Мстислава Немого, он сам сел княжить в Галицкой земле, признавая, впрочем, как видно, верховную власть венгров. После повешения Игоревичей это было новое небывалое дело на Руси. Впервые со времени истребления славянских племенных князей правителем русского княжества стал не князь, а боярин. Русские князья (Мстислав Немой, Даниил и Василько, Александр Всеволодович) попытались выгнать Владислава, но не смогли взять Галич. По требованию Лешка Краковского Александр Всеволодович был вынужден выделить из своих владений Романовичам два города — Тихомль и Перемышль.

Придя к выводу, что обстановка на Волыни установилась вполне подходящая, венгерский король Андрей и польский князь Лешко, решили, наконец, прибрать к своим рукам, оказавшееся в руках у боярина княжество. В 1214 году их объединенные силы взяли Галич, а Владислав был посажен в темницу, где он вскоре и скончался. В Галиче князем поставили Коломана, сына Андрея Венгерского, которому было всего пять лет, обручив его предварительно с трехлетней дочерью Лешка. Кроме того, Лешко получил от венгерского короля Перемышль и Любачев. Владимир Волынский Лешко отдал Даниилу Романовичу, а Александра Всеволодовича заставил вернуться княжить в Бельз, чем, кстати, окончательно поссорил двоюродных братьев Александра и Даниила между собой. С этого времени Владимир Волынский окончательно утвердился за Даниилом и Васильком Романовичами и их потомками.

В годы венгерского правления в Галиче начались гонения на православие и, по существу, была предпринята первая попытка церковной унии. Папа римский Иннокентий III даже даровал Коломану королевскую корону, и Галицкое княжество в первый раз стало королевством. Между тем в Галицкой земле начались народные выступления против венгров. Сбросить иноземное владычество оказалось проще потому, что спустя некоторое время Андрей и Лешко поссорились. Лешко в ответ предложил занять Галич новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому. В 1215 году Мстислав Удалой утвердился в Галиче.

В 1219 году Галич опять занял королевич Коломан, и Мстиславу пришлось покинуть город. Спустя некоторое время Мстислав при помощи половцев вновь занял Галич. Коломан попал в плен, но вскоре был